

слова Григория Паламы над гуманистическими идеями калабрийского ученого Варлаама и его последователей. В начале своего доклада Г. Бекк справедливо отмечает, что борьбу паламитов и варламитов нельзя рассматривать лишь как чисто богословский спор: ее необходимо изучать в тесной связи со всей духовной жизнью Византийского общества XIV в. Г. Бекк указывает, что паламитский спор в широком смысле слова следует считать столкновением паламизма с гуманизмом. Однако вряд ли можно согласиться с его определением гуманизма. Признавая широту этого понятия, Г. Бекк понимает все же под гуманизмом в первую очередь теологическую, спекулятивную систему, зерно которой представляет учение об отношении «божественной сущности к действую божества». Этой системе в известной степени, по мнению Г. Бекка, присущи черты рационализма, и поэтому она была враждебна мистике. По утверждению Г. Бекка, неправы те ученые, которые рассматривают спор паламитов и варламитов исключительно как столкновение восточноцерковного и западного, схоластического образа мышления, как своего рода реакцию византийского богословия против рационалистического гуманизма Запада. По мнению Г. Бекка, против этой точки зрения говорит то, что противники Паламы — и Григорий Акидин, и Никифор Григора — не только не были связаны с западной схоластикой, но их учение целиком противостояло ей. Из противников Паламы лишь Прохор Кидон строил свою аргументацию, прибегая к схоластическим приемам, но его борьба против Паламы относится уже к периоду после победы паламизма. Сложнее обстоит дело с оценкой позиции основного противника Паламы — Варлаама Калабрийского. Г. Бекк отрицает значительность влияния западного богословия на Варлаама, но вместе с тем подчеркивает, что его происхождение (Южная Италия) и положение иностранца, всегда внушавшее недоверие византийским ортодоксам, сыграли роковую роль в его судьбе.

Наиболее настойчиво Г. Бекк возражает против концепции тех ученых, которые, на наш взгляд, вполне правомерно усматривали в паламитском споре столкновение не только богословских, но и социально-политических взглядов двух социальных группировок византийского общества, боровшихся между собой: на одной стороне выступали Кантакузин и его партия, связанные с феодалами и крупным землевладением, а на другой — Палеологи, «социальные революционеры» (зилоты) и антипаламиты. Нельзя отрицать связи Кантакузина с Паламой, ибо победе паламитов ничто так не способствовало, как религиозная политика этого императора. Вместе с тем сам Иоанн VI Кантакузин, видимо, понимал, какую услугу может оказать его правительству партия паламитов и учение исихазма, своей мистикой отвлекающее подданных империи от реального мира с его социальным неравенством и нищетой. Концепцию этих ученых Г. Бекк считает гипотезой, якобы не подтверждаемой источниками; основным аргументом против нее он выдвигает то обстоятельство, что состав борющихся партий постоянно менялся и был текучим, так же как не являлась стабильной и позиция наиболее выдающихся участников борьбы — Никифора Григоря, Дмитрия Кидона и деятеля «палеологовской» партии. Для Г. Бекка в паламитском споре в конечном счете значительно важнее его богословская сторона. По его мнению, превосходство учения Паламы и его историческое значение состоят в том, что оно явилось победоносной реакцией против гуманизма, стирающего грань между светским знанием и христианским богословием. Победа паламитов означала торжество учения о возможности мистически-богословского познания бога. Она остановила «опасное» развитие идеологии в Византии к язычеству и заставила представителей византийского гуманизма перенести свою деятельность в Италию.

С содокладом выступил И. Майендорф (Нью-Йорк), высказавший несогласие с некоторыми положениями Г. Бекка. Расхождения касались, в частности, понимания термина «гуманизм». По мнению И. Майендорфа, название «гуманисты» в Византии следует прилагать ко всем ученым (начиная с Фотия и кончая Плифоном), которые занимались изучением классической древности. Вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться со столь односторонним определением гуманизма, игнорирующим тот решающий факт, что гуманизм был широким культурным движением, выражавшим идеологию нового, нарождающегося класса. Таким образом, как в основном докладе Г. Бекка, так и в содокладе И. Майендорфа, к сожалению, не было дано точного определения гуманизма вообще и византийского гуманизма в частности.

Интересным следует, на наш взгляд, признать замечание И. Майендорфа о том, что победа исихазма в Византии закрыла возможности для развития философии и светской культуры. И. Майендорф справедливо усматривает в этом отрицательные последствия торжества исихазма. Однако сам историк высказывает сомнения в существовании живых черт развития в византийском гуманизме, который, в противоположность западному, ограничивался лишь подражанием античной науке, оставаясь в рамках средневековой учености. В этом И. Майендорф усматривает слабость византийского гуманизма и причины поражения гуманистов в их борьбе с исихастами.

В тот же день, 12 сентября, на пленарном заседании выступил с докладом «Византийская и средневековая сербская государственная канцелярия» известный византинист профессор Ф. Дэльгер. Он рассматривал особенности организации и дея-